

Марево кареты плавно плыло по улицам Цзинду. Внутри, привалившись к стенке, полулежал Нин Цзюэ, прикрыв отяжелевшие веки. Его длинные черные волосы, рассыпавшиеся по мягкой кушетке, напоминали струящийся темный шелк.

Ань Чунье накинул ему на ноги белое пушистое одеяло, затем взял чашу с отваром от похмелья, которую слуги приготовили заранее, подул на пар и протянул Нин Цзюэ:

— Выпей, станет легче.

Хмель ударил в голову, и Нин Цзюэ, забыв о приличиях, послушно принял чашу, осушил её одним махом и вернул обратно. Он был настолько пьян, что даже не осознавал неуместности происходящего — ведь за ним сейчас ухаживал сам принц.

— Куда мы едем? — невнятно спросил он. Карету покачивало, и его начало мутить.

— Где ты сейчас живешь?

Ань Чунье поправил рукава своего халата, вспоминая сказанные ранее слова, и добавил:

— Если не хочешь возвращаться туда, я могу подыскать для тебя постоянный двор.

Постоянный двор?

Нин Цзюэ покачал головой — денег у него не было:

— В переулок Мэйхуа.

Улицы и переулки Цзинду переплетались в бесконечный лабиринт, и Ань Чунье не знал, где находится этот переулок. Он легонько постучал по стенке кареты и громко скомандовал кучеру:

— В переулок Мэйхуа.

— Слушаюсь! — отозвался стражник и пришпорил коней.

Даже на ровных дорогах Цзинду карету то и дело подбрасывало на камнях. От этой тряски Нин Цзюэ нахмурился, чувствуя, что его вот-вот стошнит.

Ань Чунье взглянул на его сморщенное лицо:

— Плохо?

— Угу.

Нин Цзюэ лишь промычал в ответ, боясь открыть рот, чтобы не стало хуже. Ань Чунье снова постучал по стенке кареты:

— Сбавь скорость.

— Слушаюсь.

Стражник натянул поводья, и карета замедлила ход. К счастью, Яньюэлоу находился недалеко от переулка Мэйхуа, и через время, достаточное для того, чтобы допить чашку чая, они были на месте.

— Ваше Высочество, переулок Мэйхуа. Заезжать?

Стражник бросил взгляд на темный узкий проход. Карета принца была слишком громоздкой, и если они въедут, то вряд ли смогут развернуться.

— Не нужно.

Нин Цзюэ опередил его, сбросил с ног одеяло и посмотрел на Ань Чунье:

— Ваше Высочество, этот простолюдин... откланивается.

Он неуклюже сложил руки в приветственном жесте и, не дожидаясь ответа, опираясь на стенку кареты, выбрался наружу.

Ань Чунье приоткрыл резное оконце кареты. Под падающим снегом он наблюдал, как шаткая белая фигура удаляется вглубь переулка. Нин Цзюэ дошел до маленькой калитки, привычно толкнул её и скрылся из виду. Только тогда Ань Чунье отвел взгляд.

— Знаешь, чей это дом? — спросил он ровным, лишенным эмоций голосом.

— Докладываю Вашему Высочеству, это задний двор поместья господина Нина, помощника главы Ведомства дворов.

Правивший каретой человек был не просто слугой, а тайным стражем из поместья принца. Он знал каждый закоулок Цзинду и был отлично осведомлен о том, кому принадлежат дома и поместья в городе.

Помощник главы Ведомства дворов.

Ань Чунъе задумался, выуживая из памяти имя.

Нин Ляо.

Одна фамилия на двоих. Кто они — отец и сын? Или просто родственники?

На следующее утро, проснувшись, Нин Цзюэ почувствовал, что голова гудит, будто по ней ударили дубиной, а всё тело налилось свинцовой слабостью.

— Ох...

Он с трудом сел, массируя пульсирующие виски, и увидел брошенные на полу плащ и верхнюю одежду. Воспоминания нахлынули разом: он отчетливо помнил всё, что произошло ночью — как после попойки оказался в карете, как пил отвар, как добирался до своей комнаты. Ни одна деталь не стерлась.

— Ну и слабая же у меня голова.

Он никогда прежде не пил и думал, что один кувшин фруктового вина не станет проблемой, но явно переоценил себя. Похоже, к алкоголю больше ни на шаг.

Вспоминая события ночи, он порадовался, что не начал буянить перед Ань Чунъе — иначе жизни бы ему не видать.

Когда дурнота немного отступила, Нин Цзюэ встал с кровати. Снег ночью шел слабый, и двор лишь слегка припорошило, словно тонкой кисеей. Нин Цзюэ выдохнул облачко пара, поднял одежду. Уголь в жаровне давно прогорел, холодный ветер просачивался сквозь щели и забирался в рукава, заставляя его ежиться от озноба.

— Тук-тук-тук!

Раздался стук в дверь, а за ней голос А Ци:

— Молодой господин, вы проснулись?

— Да.

А Ци вошел, неся таз с горячей водой. Поставив его на подставку, он оглядел ледяную комнату и сказал:

— Господин, сначала умойтесь, я сейчас же разожгу огонь.

Нин Цзюэ взмахнул рукой:

— Сначала подготовь ванну, я хочу искупаться.

— Слушаюсь!

Нин Цзюэ умылся, тщательно прополоскал рот, избавляясь от неприятного привкуса. Когда А Ци наполнил бадью горячей водой, он разделся и погрузился в неё. Тепло окутало тело, проникая до самых костей.

Лишь когда вода начала остывать, Нин Цзюэ выбрался, вытерся и облачился в халат цвета воды с подкладкой. В комнате уже разгорелись угли, стало тепло и уютно.

После завтрака он снова взялся за книги. А Ци прибрался в комнате и унес грязную одежду на задний двор.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда пришел слуга и передал, что старший молодой господин приглашает его в бамбуковую беседку.

Старший господин Нин Вэньчжэн был единственным законным сыном Нин Ляо. Нин Цзюэ не хотел иметь дел с семьей Нин, но, вспомнив слова управляющего Ли о том, что этот сын — избалованный любимец родителей, ему стало любопытно взглянуть на этого благородного юношу.

Нин Цзюэ накинул новый плащ из меха черной лисицы и последовал за слугой. Миновав галерею, они вышли к бамбуковой роще, в конце которой, на плитах из синего камня, стояла киноварно-красная беседка.

Внутри сидел юноша в головном уборе, закутанный в темно-синий плащ. Его прямая спина и ниспадающие на плечи черные волосы делали его похожим на ожившую картину.

Слуга остановился в полушаге от беседки и, разведя руками, сказал:

— Господин, прошу.

Нин Цзюэ молча поднялся по двум каменным ступеням. Подойдя ближе, он разглядел лицо юноши. Сходство с Нин Ляо было поразительным — те же черты, но в глазах в форме феникса не было отцовской рассудительности, лишь неприкрытое высокомерие и презрение.

— Это ты Нин Цзюэ? — спросил он надменным тоном.

Одного этого вопроса хватило Нин Цзюэ, чтобы сделать выводы: старший господин Нин — пустое место.

— Я тебя спрашиваю, онемел? — Нин Вэньчжэн нахмурился, не дождавшись ответа.

Нин Цзюэ не собирался терпеть такое обращение и ответил с издевкой:

— Господин Нин, неужели вы сами не знаете, кого пригласили?

Нин Вэньчжэн опешил от такой дерзости:

— Это ты так со мной разговариваешь?

— А какой тон вы ожидаете? Льстивые речи или мольбы о пощаде?

Нин Вэньчжэн был на четыре-пять лет старше, вырос в неге и обожании, и никто, кроме родителей, никогда не смел говорить с ним грубо. Ответ Нин Цзюэ явно выбил его из колеи.

— Ты хоть знаешь, кто я? — с недоверием спросил он.

— Старший господин семьи Нин, Нин Вэньчжэн.

— По этикету, ты должен называть меня братом.

— Братом? Ха-ха...

Нин Цзюэ рассмеялся, впившись взглядом в глаза Нин Вэньчжэна. В его лице сквозил холод, которого прежде не было:

— Сначала спроси у своего достопочтенного отца, признает ли он это слово, а потом приходи и поговорим.

Не желая продолжать пустую болтовню, Нин Цзюэ развернулся и покинул беседку.

Шагая по посыпанной снегом дорожке, он чувствовал удивительное спокойствие. Пока его не трогают, он не испытывал зла к остальным членам семьи Нин. Виноват во всем был только Нин Ляо. Если бы тот не скрыл свой брак, чистая девушка не страдала бы все эти годы, не выслушивая оскорбления и насмешки.

До приезда в Цзинду он слышал от управляющего Ли, как нежно Нин Ляо любил свою жену и как лелеял детей. Для семьи Нин он был любящим отцом: сына назвал Вэньчжэн, надеясь на его красноречие и благородство, дочь — Юйфу, сравнивая её с нефритом и цветком лотоса.

И лишь он один, разделяя с ним кровь, не получил ни капли тепла. Даже имя — Цзюэ — было пропитано отвращением: отец хотел отрезать прошлое, связанное с его матерью, и разорвать все узы родства.

Какое же подходящее имя — Цзюэ.

Вернувшись к себе, Нин Цзюэ не выходил из дома четыре или пять дней. Никто не приходил его тревожить, никто не навещал. Если не считать А Ци, приносившего еду, в этом месте царила тишина, словно здесь обитали лишь призраки.

До весенних экзаменов оставалось чуть больше десяти дней, и Нин Цзюэ с головой ушел в книги. Комната была завалена стопками рукописей. А Ци хотел собрать и сохранить эти исписанные страницы, но Нин Цзюэ остановил его:

— Это просто мусор. Принеси жаровню, сожги их.

На листах были написаны восьмичастные сочинения и его анализ политической ситуации в стране. Молодость горяча, он высказал там всё, что думал — и хорошее, и плохое. Для него самого это было полезно, но если записи попадут в чужие руки, не миновать беды.

А Ци не стал спорить. Он не смел вчитываться в содержание, поэтому просто принес жаровню и исполнил приказ.

Нин Цзюэ наблюдал, как его мысли превращаются в пепел. Языки пламени пожирали чернила на бумаге, но не могли сжечь то, что было у него на душе.

Зима ушла, наступила весна. Снег растаял, на сухих ветвях проклюнулись почки — жизнь снова пошла по кругу.

<http://bllate.org/book/21783/2252434>